

30-т-51. Харьков.

Дорогая Елена Ивановна!

Обращаюсь к Вам, дорогая, хотя и не знакома с Вами, но все, что связано с дорогой, ушедшим Николаем Константиновичем, для нас дорого, преторого и близко нашему сердцу. Ваш посылку читаем Ваши строчки и письма с такой любовью и принимаем к сердцу. Добрые вести продолжайте писать к нам и мы принимаем эти вести, как драгоценную плату. Спасибо Вам за это!

В кругу бездородье, много горя, мало радости! Относительно нашего милого Вл. Клеу. Это повторение болезни Бориса К.-ра, судя по письму из Москвы, перешанного Вами. Тем или, вернее, "чем" он только подтверждается по медицинским наблюдениям. За его сердцем, оно все еще только "хлюпает". т.е. очень слабо работает.

Вчера мы его на 1 день сабираем к себе, дама ушла и ей хотелось отдохнуть без этого "большого" шума. И разговариваем и балуем его, как милого, но душевно-большого человека.

Сей я считаю еще очень высталой вучаши, почему и была крайне удивлена, когда в Варшаве, ровно за 3 месяца ясно видна уход Н.К. Видела шестые и псащадку

и еще слышала необыкновенную, несобыкновенную
музыку, звуки каморки разносились в горы.
Какая-то была величественная партия!
Записала дайму и в Варшаве поделилась
с В.Н.В., будути уверена, что это свершится.
но В.Н. убедительно уверил, что это морей-быть
в будущем, как оно и оказалось, когда
пришла к нам далекая весна, стоить
огорчительная. А все же. Все мурманские
годы мы жили весной с гор, был
поэтому так дорожили Вами сиртаки,
как прекраснейшей связи между нами.
Самой теплой, душевной привели
Вам и моему брату Николаеву
Ваша Людмила Г.

10-11-54. Харьков.

Дорогая, безмерно дорогая наша
Зина Шаровна!

Пишу „безмерно дорогая“ до глубина души
чувствуя Вашу близость, Вашу неслыханную
подару жеман на все мои пылающие вешетки
и мысли. Когда у меня особенно тревожно и
непокойно на душе, я вкладываю Ваше письмо
к себе в сумочку, тогда надеваю шапочку из
„Синей Книжки“ и мы разговариваем с ней. Наступает
спокойствие, радость и надежда!

Я так просила г. З. бы написали Вам о прошлом
много лет назад, но не получила от нее и писала
Вам совершенно не о том, о чем мне так хотелось
поведать Вам. Но я убедилась, что повествовать
писем Вам не надо, на маме, пошарив
Вам, всегда находила ответы в Ваших
старых друзьях.

Как же я была тронута и как я благодарна за Вашу
помощь в моих труды - словом звание и, вероятно
перейти Вам, спасибо за Вас, за Вашу изобретательность, за
Вашу беспримысленную радость искренней жеман, за Ваши
глубокие мысли, указания и поддержку. Берегите себя.
С уходом нашего дорогого Наставника А. П. с его
внимательной и проницательной душой, мы помним эту
невозвратимую

утрацию и просим Вас - берегите себя и свое здоровье.
Нам приятно, когда Вы благодарите нас за В.Н. мы его
любим, как любим всю Вашу семью, такую близкую
и родную нам и поступаем по велению сердца, а
теперь рады, что ушли в безопасное время, до
всех событий, до сибиряцкого поветря, возбудившего
справа, что могло быть еще непонятнее, как и
нам сейчас, крестованным старым ругатель. Дале
уже, наблюдаясь, какими шланскими шагами подвигнут
все окружающее, иногда кажется это, "возвращение" - это
полюбо миру, показывающий, как ищете вы в зеркале,
то кажется, что в действительности иерий намево.
В нашем крае началось великое население "народов"
Г. нас рисует, свити и дашли, и родком в далекие
справа, а с 25 апреля объявили запись фелангуах
ихаиб на родном, подвигайте ушину и шмиле в
Сибиря и болюминетно насмелия. теперь ушарани
ебеднево, и задумывают перед трудностями,
Великая ответственность. Все истощивались в родном,
в родной семье и русские люди. Едуи из Муромца
наш Коля Г., с кайболом когда то судил Юрий Лип.
Без книг Н.К., но с интереснейшими и подвигательными событиями
этой поездки. Едуи наши друзья, но без наших книг, как
они абилюи на каалити друзей, остающихся в камне и
наблюдаящих укараити сгов. У нас хранились девочная
Зюльманя цепочка ой гасов, завещанная В.Н. своей
кристишке - Стелюсману, как с ней поступить, если
придется двинуться с места? Провозит или перекажет
Заиреуено, но у Володе было такое горючее феланге,
чтобы это было пошла Сметену.

В жизни подвигаюсь слабо, домашние обязанности
не располагают и сообразно, и сосредоточенности,
характера умаи духа наводятся, Бомолами мидями,
а свободная помыслим Гавриило Сосирой Б.Н. и Шаркая,
далекой ой жизни Свией, кем и объявляю все свои
многочисленные и изнурительные обязанности и труды.
Вспоминаю все свои проработы в Баркине, в селке Майдо,
где усмирительная и беспредельность, где душа выжила
по далеким сиротам, где слышала звуки природы
и это ощущение, в прошлом году нами домик в селке
перешел в провозсоюз для tuberculosis Бомолами.
Как я буду без одиозности, без прикрас, без обличков
надземной Красоты! А согражданин Тамара Григорьевна,
не зоркий нас приедит, какой подорожает.

Б.Н. забывает очень много, не по годам и, да, не по
силкам, он как и многие коллеги в тушке перед
каждым своим заболеванием мучительным и
не поддающимся лечению. Как наугаде труды
Юлия Николаевича? Б.Н. шлет Вам, Юрию и Св. Мик.
свои дружеские приветия и лучшие пожелания.
Как все стало скоро! Как все все далеко!
Душой и сердцем всегда с Вами.
Ваша Л.Ч.

空航
PAR AVION

5
Mrs. H. Roerich.

Kalimpong. W. Bengal

India.

L. Christakova. 129 Gogolevskaya str.
Harbin. China.

7-11-55.

Дорогая, далекая и любимая Елена Уваровна!

Ваше последнее письмо от 29-8-54. мною получено в то самое время, когда усердно думала о Вас, взывала к Вам, к Вашей помощи и пришло оно в той самой острой момент, когда казалась, что свою шапку из "Синей Мишу" я не когда постираю, когда Светлые Сила, казалось, выжили от меня. Ваше письмо, такое родное, трогательное и душевное, явилось вмешательством на призвание души, согрело меня и стало легко и светло на душе. Спасибо, Большое душевное спасибо за помощь!

Почти год, как не покидаю дома из-за своего позвоночника. Острой период проводила в горизонтальном положении на досках, без подушек, в настоящее время трою похвастаю в "панцаре" до осуждения двух деформированных поясничных позвонков.

Зная, что Вы заведомо "перезустрасительном" своего организма и что это не легко дается при Вашей озорной работе и деятельности, не решалась беспокоить Вас и подальше от своих маленьких летнего на физическом пути. Последние время, притыкая информации местных и советских газет о посещении Союза возьми Вашей сирена, Неру, все болоты и болоты канувшие свои мысли к Вам, наши дорогие, откуда уже много лет идут призывы к Общему Благу, к Миру всего мира, к Дружбею ко всем народам. Отрадно было просить его пращалою рею

В Москве и так хочется верить, что с его порекомендованными будущим
считаются и проводимые их в фильм те, к кому были обращены
его слова. Параллельно советские журналы много уделили
индийскому художественному творчеству и им, конечно,
вспоминаем нашего Певца Священства Гур, творца обществ
Надеждой Красной, дорогого Николая Константиновича!
Придет ли, наконец, момент, когда русский народ полностью
ознакомится с творчеством своего Великого Сына
и когда это будет? А пока это книги "Живые Эпики" под редакцией
изданы при переезде мастеров-художников. Им, конечно, известно,
что фильм наши последние время запомнена массовыми организациями
русских на земле. Этот вопрос легко решается для молодежи,
старшему поколению это решение более сложное и за отсутствием
сил и физического труда и не так легко перейти к целенаправленной
применительной фильму, после культурных условий в городе.
А душа телесно и родные просторы, и родные души,
так тяжело переживающими свои первые, непосильные и
трудолюбие много на родной земле. Ваши искренние мысли
и мудрые слова я стараюсь перенести через прощанье
нас разделяющие и передаю нашим далеким друзьям.
Как святой путь на темном небосклоне звенит надежда на
возможность свидания с Вами. Это было бы самым прекрасным,
нашим дорогим. Г. Вас и Юрия Николаевича мы помним, как
родных и близких нашему сердцу.

Берегите себя, свои силы, они ведь так еще нужны для завершения
Вашей важной работы на благо человечества.

Примите от меня и В.Н. самые сердечные приветия и
пожелания всего радостного и светлого.

Преданная Вам
Ваша Л. Устасова